

XVI ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (29–31 октября 2014 г.)

29–31 октября 2014 г. в Институте истории Санкт-Петербургского университета состоялись XVI Жебелёвские чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. В конференции, которая ежегодно собирает антиковедов со всей России, приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Красноярска, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Тобольска, Уфы, Челябинска, Ярославля, а также Вроцлава (Польша), Гамбурга (Германия), Никосии (Кипр), Хельсинки (Финляндия). За три дня работы конференции ее участники представили и обсудили 66 докладов. В рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, была организована работа 5 секций: истории древней Греции; истории эллинизма; истории Рима; источниковедения, историографии и истории античной культуры; истории античного христианства.

Конференция открылась 29 октября 2014 г. вступительным словом заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима проф. Э.Д. Фролова «К 80-летию кафедры античной истории СПбГУ». В своем выступлении Э.Д. Фролов подчеркнул, что кафедра античной истории в Санкт-Петербургском университете, официально открытая в 1934 г., имеет длительную предысторию. Корни петербургского антиковедения уходят в XVIII в., когда по инициативе Петра I была основана Российская Санкт-Петербургская императорская академия наук, а в ее составе – специальный гуманитарный класс, где преобладали антиковедные дисциплины. Большое значение имела реформа среднего и высшего образования в России, проведенная на рубеже XVIII–XIX вв. и приведшая к открытию заново Петербургского университета. С 1835 г. лекции по всеобщей истории, включая историю древнего мира, стал читать в Петербургском университете М.С. Куторга, которого можно считать прямым предтечей современного петербургского антиковедения. На рубеже XIX–XX вв. занятия античной историей в Петербургском университете достигли своего полного развития. Пертурбации послереволюционных лет на некоторое время прервали это развитие, но с 1934 г. полноценные занятия как античной историей, так и классической филологией возобновились. Э.Д. Фролов охарактеризовал основные направления учебной и научной деятельности кафедры истории древней Греции и Рима. Он остановился как на достижениях кафедры, так и на тех трудностях, с которыми она сталкивается в последнее время. Докладчик подчеркнул негативные последствия перехода к Болонской системе.

На первом пленарном заседании (председатели – Э.Д. Фролов, С.Г. Карпюк) было представлено четыре доклада. С.Г. Карпюк (Москва) и О.В. Кулишова (Санкт-Петербург) в докладе «Советская наука об античности 50–60-х годов глазами американских ученых» рассмотрели научную карьеру и труды двух американских ученых-античников – Эмили Грейс и Хью Грэхема. Э. Грейс после переезда в СССР смогла интегрироваться в советскую академическую среду, внося значительный вклад в изучение проблем классического рабства в древней Греции. Х. Грэхем, будучи одновременно антиковедом и славистом, в своих многочисленных рецензиях объективно и доброжелательно оценивал развитие советской историографии античности 50–60-х годов XX в. Особенно подробно докладчики остановились на связанном с именем Х. Грэхема и проходившем в штате Индиана летом 1960 г. экспериментальном семинаре, участники которого занимались по широко использовавшемуся в советских университетах учебнику латинского языка А.Н. Попова и П.М. Шендяпина. В заключение С.Г. Карпюк и О.В. Кулишова подчеркнули, что в целом взгляд «со стороны» позволяет более объективно рассмотреть как достижения, так и недостатки советской историографии античности этого периода. А. Цакмакис (Никосия, Кипр) посвятил свой доклад теме «Искусство Геродотового рассказа: битва при Фермопилах». По мнению докладчика, повествование Геродота о Фермопильском сражении сфокусировано, главным образом, на спартанской исключительности, поэтому рассказ «отца

истории» является фундаментом для конструирования спартанской идентичности, которая отчасти выступает и ключом к определению греческого самосознания. Докладчик показал, каким образом особенности рассказа и языка Геродота служат выполнению этой цели.

С.Е. Федоров (Санкт-Петербург) в докладе «Пикты глазами римлян: рождение легенды» показал, какую роль представления римлян об этом народе сыграли в складывании первоначального варианта легенды, а также в оформлении ее окончательной версии, растрогазированной уже средневековыми авторами. Сначала, после упоминания Тацита о том, что обыкновение покрывать свое тело растительным пигментом было свойственно местному населению Британских островов, выражение «пикт», т.е. «раскрашенный», служило обозначением всех без исключения варварских племен Британии. Затем с конца III в. этот термин стали употреблять исключительно по отношению к тем племенам, которые проживали севернее вала Антония; население же южной Шотландии и Северной Англии, причастное к римской цивилизации, стало обозначаться как «бритты». Последующая эволюция римских представлений о пиктах, по мнению С.Е. Федорова, была связана с популяризацией знаменитого рассказа Геродота о похождениях Геракла в Скифии и римскими интерполяциями в сюжет легенды. Последним на пленарном заседании выступил *В.В. Василик* (Санкт-Петербург) с докладом «Мученица Анастасия Сирмийская: житие и почитание», посвященным неизвестной молитве в честь св. Анастасии, которая содержится в унциальной греческой рукописи монастыря св. Екатерины. По мнению докладчика, текст молитвы близок к византийским памятникам V–VI в., в то же время в нем отсутствуют лексемы и фразеологизмы, типичные для средневизантийского периода (VII–X в.). Исходя из исторических реалий – перенесения мощей св. Анастасии из Сирмия в 458 г. автор доклада заключил, что молитва была составлена после этого события, но не позднее середины VII в.

Во второй половине дня 29 октября начали работу различные секции. Первое заседание секции истории древней Греции (председатели – В.М. Строгоцкий, Е.В. Никитюк) включало обсуждение пяти докладов. *Е.С. Данилов* (Ярославль) в докладе «Военные реконструкции Одиссея» обратился к образу Одиссея, которого мифографическая традиция представляла в различных ипостасях – воина, мореплавателя, ремесленника, дипломата и др. Автор доклада проанализировал разведывательную деятельность Улисса, которая начинает раскрываться уже в поэмах Гомера и дополняется в произведениях позднейших греко-римских писателей. Автор доклада подчеркнул неразрывную связь героического облика Одиссея с его спорной в моральном отношении функцией лазутчика. *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) в докладе «Экономическое развитие Самоса в архаическую эпоху» отметила, что успехи Самоса в значительной мере определялись особенностями его географического положения на пересечении целого ряда морских путей, наличием мощного флота, ослаблением основных конкурентов (Милета и Фокеи). По замечанию автора доклада, показателем высокого уровня экономического развития стало достаточно раннее появление на Самосе собственной денежно-весовой системы. *Д.В. Зайцев* (Красноярск) в докладе «К проблеме взаимоотношений Эретрии и Халкиды накануне Лелантской войны» рассмотрел политическую ситуацию на острове Эвбея в начале архаического периода. Он подчеркнул, что большинство исследователей, основываясь на сообщении Страбона и традиции об основании эвбейскими полисами совместных колоний в Италии, традиционно отрицают конфликт между Эретрией и Халкидой до начала войны. Однако, как заключил докладчик, более аргументированным выглядит мнение тех ученых, которые полагают, что Эретрия и Халкида находились в состоянии конфронтации еще до Лелантской войны.

В докладе *М.Ю. Лантевой* (Тобольск) «О местоположении Паниония в свете археологических исследований начала XXI в.» были проанализированы аргументы немецкого археолога К. Ломана в пользу новой локализации Панионийского святилища и пересмотра хронологических вех в истории Панионийского союза. В результате М.Ю. Лаптева пришла к выводу, что прежняя локализация, установленная в 60-х годах XX в. немецким археологом Г. Кляйнером и его коллегами, в гораздо большей степени соответствует данным древних авторов о местонахождении и деятельности Панионийского союза. Заключив работу секции доклад *Ю.Б. Циркина* (Санкт-Петербург) «Африканская экспедиция Дориея и карфагено-киренская война». Докладчик отметил, что через два года после того, как Дорией и его спутники поселились в устье Кинипа карфагенские власти, действуя в союзе с местным населением – маками, вынудили Дориея возвратиться в Спарту. Баттиады, правившие в Кирене, начали войну с Карфагеном, возможно, под лозунгом мести за изгнание греков. После долгой войны (ее, по мнению докладчика, очень приблизительно можно датировать 480–457 гг. до н.э.) была установлена твердая граница между двумя государствами. По заключению Ю.Б. Циркина, соглашение между Карфагеном и Киреной стабилизировало положение в Северной Африке и способствовало консолидации Карфагенской державы.

В этот же день начала работу секция по истории эллинизма, на первом заседании которой (председатели – О.Л. Габелко, С.К. Сизов) было представлено семь докладов. Первым был прочитан доклад *А. К. Нефёдкина* (Санкт-Петербург) «Современная историография битвы при Иссе (333 г. до н.э.)»,

посвященный проблемам военной истории начального этапа эпохи эллинизма. В докладе «Культ Александра Великого в греческих городах Малой Азии» *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) показал, что учреждение этого культа относится еще ко времени правления македонского царя (скорее всего, к 324–323 гг. до н.э.) По мнению докладчика, такое почитание Александра не было продиктовано исключительно политической целесообразностью, а в значительной степени стало проявлением благодарности малоазийских греческих общин за освобождение их от персидской власти, а также за те особые милости, которые были оказаны Александром отдельным полисам. *С.В. Смирнов* (Москва) посвятил свой доклад теме «Вавилонский “список сатрапий”: проблема источников». «Список» – документ, который был составлен в 323 г. до н.э. на встрече диадохов в Вавилоне и в котором были зафиксированы соглашения о распределении главных государственных должностей и сатрапий между политическими наследниками Александра – не сохранился в оригинале, однако он присутствует в тексте 13 источников, относящихся ко времени от I в. до н.э. до Средневековья. Сравнительный анализ этих текстов позволил автору доклада заключить, что «список» восходит к одному источнику (возможно, Иерониму из Кардии), однако в некоторых текста можно заметить и влияние другого, неизвестного, источника. Доклад *И.А. Ладынина* (Москва) «Стела Bucheum 2 (British Museum. № EA1697+1719) и восприятие последних Ахеменидов в Египте начала эллинистического времени» был посвящен стеле из Бухеума (некрополя священных быков в Арманте в Фиванском номе Египта), фиксирующей смерть священного быка Бухиса в день *3ht 1* Года 4 Александра Великого (13 ноября – 12 декабря 329 г. до н.э.). Докладчик предложил новый перевод текста стелы с максимально возможным восстановлением лакун в ее надписях. Как отметил И.А. Ладынин, эта надпись наделяет персидского царя Дария III статусом легитимного сакрального правителя Египта, что резко расходится с преобладающим в античной традиции мнением о негативном отношении египтян к последним Ахеменидам и, вероятно, стало отражением македонской пропаганды, представлявшей Александра к 329 г. до н.э. законным наследником Дария III как «царя Азии».

Ю.Н. Кузьмин (Самара) в докладе «Заметки о датировке процессии Птолемея Филадельфа» подчеркнул, что среди решений дискуссионной проблемы датировки этого события наиболее популярны следующие: зима 279–278, 275–274 или 271–270 гг. до н.э. Автор доклада рассмотрел еще один аргумент в пользу того, чтобы датировать эту процессию серединой 270-х гг. до н.э.: Афиней (V. 26. 196f) описывает специально построенный для приема гостей царя павильон, который украшали кельтские щиты (θυρεοί), не известные на эллинистическом Востоке до переправы кельтов в Малую Азию в 278 г. до н.э. По предположению автора, их выставление могло быть связано с победой царя над взбунтовавшимися кельтскими наемниками Филадельфа на острове в дельте Нила ок. 275 г. до н.э. Доклад *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Пираты эллинистического времени (надпись SEG 44 (1994) п. 949 из Теоса – вторая половина III в. до н.э.)». По замечанию докладчика, пространная (102 строки) надпись средней степени сохранности содержит три части, из которых первая и вторая являются почетными декретами городского совета в честь группы эвергетов, третья – списком самих эвергетов и суммы пожертвованных ими денег. Как подчеркнул докладчик, из текста надписи, несмотря на лакуны, можно понять, что речь идет об избавлении города от нападения пиратов, согласившихся оставить город в покое за десятую часть богатств состоятельных жителей. В заключение докладчик указал на ценность содержащихся в надписи сведений как исторического, так и экономического характера. *Н.Ю. Сивкина* (Нижний Новгород) свой доклад «Наместник Спарты Брахилл: к вопросу об использовании Полибием термина “эпистат”» посвятила анализу ситуации, сложившейся после поражения Спарты в битве при Селласии в 222 г. до н.э. от объединившихся против нее Македонии и Ахейского союза. По мнению автора доклада, ахейский стратег был заинтересован в аннексии Спарты, а македонский царь Антигон III Досон хотел сохранить независимость государства как противовес Ахейской лиге. Возможно, назначение эпистата было компромиссным решением союзников, тогда Брахилла следует считать должностным лицом лиги, располагавшим лишь гражданскими (но не военными) полномочиями.

В этот же день состоялось первое заседание секции по истории Рима (председатель – А.В. Короленков), на котором были обсуждены восемь докладов. *М.В. Мухина* (Санкт-Петербург) в докладе «Изгнание Тарквиния Гордого» указала, что в научной литературе существуют самые разнообразные объяснения событий, которые привели к свержению Тарквиния Гордого. По мнению М.В. Мухиной, заговор против последнего царя не был восстанием против тирании одного правителя или власти этрусков, скорее всего, это был заговор определенной части сената и патрициев против конкретного правителя, а не самой царской власти. Доклад *А.В. Короленкова* (Москва) был посвящен теме «Сенат и Сулла во время гражданской войны 88–82 г. до н.э.». По мнению докладчика, в 88 г. сенат, вопреки распространенному мнению, не оказал поддержки Сулле в борьбе с Сульпицием, а после взятия Рима перешел в почти открытую оппозицию ему. В 84 г. до н.э. многие patres во главе с принцепсом пытались предотвратить столкновение между Суллой и марианцами, но неудачно. В 82 г., как показал

Ф. Инар, они выступили против введения проскрипций, и Сулле пришлось обращаться к комициям. Таким образом, по заключению А.В. Короленкова, Сулла, который многими считается выразителем интересов сената, находился в напряженных отношениях с ним.

Перипетии политической борьбы в позднереспубликанском Риме были предметом рассмотрения и в двух следующих докладах. *М.В. Белкин* (Санкт-Петербург) в докладе «Цицерон, Цезарь и процесс Гая Антония (59 г. до н.э.)» отметил, что на консульских выборах 63 г. до н.э. Цицерон и Гай Антоний были яркими противниками, но, став консулами, прекратили соперничество. Цицерон «подкупил» коллегу, уступив тому провинцию Македонию, и сделал Антония своим союзником, в том числе в борьбе с Катилиной. В 59 г. до н.э. Антоний был привлечен к суду по обвинению в оскорблении величия римского народа, его защищал Цицерон, но безуспешно, причем в своей речи резко нападал на Цезаря, по-видимому, за его стремление пересмотреть дело катилинариев. Цезарь в отместку в тот же день перевел Клодия в плебеи, и тот незамедлительно начал атаку на Цицерона. *А.Б. Егоров* (Санкт-Петербург) в докладе «Публий Клодий – последний популярь Республики» подчеркнул, что от древности до нас дошла только цicerоновская оценка знаменитого популяря, которая представляет его беспринципным популистом и эгоистичным демагогом. А.Б. Егоров указал, что в новой литературе оценки личности Клодия очень разнятся. По мнению докладчика, Клодий был последним серьезным представителем римских популяров, он не являлся ничьим агентом, а его отношения с триумвирами были достаточно сложными, а подчас и враждебными. А.Б. Егоров сделал попытку дополнить политический портрет Клодия, указав на его принадлежность к знатнейшему патрицианскому роду Клавдиев, а также на новшества в арсенале политических методов – обращение Клодия к «улице».

М. Халамус (Вроцлав, Польша) в докладе «Октавиан Август и “друзья Рима”: система клиентских государств при Августе» особое внимание уделил положению и политике Боспорского царства, сохранявшего довольно высокую степень независимости. Титулатура еще первых боспорских царей показывает их «друзьями Рима». Вместе с тем некоторые из правителей, например царица Динамия или Митридат VIII, старались укрепить свою власть, опираясь на антиримские традиции своего предшественника Митридата VI Евпатора. М. Халамус подчеркнул значение местных эпиграфических и нумизматических источников, которые позволяют представить не только римскую точку зрения, как правило, доминирующую в литературных свидетельствах. *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Маски предков принцепса как один из инструментов политической пропаганды». По замечанию докладчика, маски предков (*imagines maiorum*) играли важную роль в публичной презентации римской аристократии в эпоху республик, однако эта традиционная форма обоснования права на особое положение в обществе оказалась востребованной и в эпоху принципата. На основании свидетельств античных авторов (главным образом, Тацита, Светония и Диона Кассия) в докладе была предпринята попытка проследить роль демонстрации масок предков в погребальных церемониях принцепсов и их родственников.

Н.С. Широкова (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «К вопросу о романизации Британии. Римский Марс и его британские эквиваленты» особенностям религии римской Британии. Одним из главных агентов романизации была римская армия, при этом солдаты и офицеры из всех богов классического античного пантеона предпочитали бога войны Марса, который в процессе, известном как *interpretatio romana*, «сочетался» с местными эквивалентами. По мнению автора доклада, этот процесс был двусторонним: римляне могли идентифицировать местных британских богов с их собственными, но в процессе этой идентификации их собственные боги становились кельтскими, т.е. *interpretatio romana* сопровождалась *interpretatio celtica*. *А.В. Зубаев* (Саратов) в докладе «Место “Церковной истории” Филосторгия в античной географической традиции: между язычеством и христианством» подчеркнул, что столкновение христианства и античного культурного наследия нашло свое отражение и в области географических представлений. Авторы многочисленных «Церковных историй» меняли некогда привычное восприятие географического пространства. Особо значимое место занимает среди них произведение арианского историка Филосторгия, географические взгляды которого, по мнению автора доклада, близки к александрийско-каппадокийской космогонической школе.

30 октября работа секций была продолжена. На втором заседании секции истории древней Греции (председатели – Ю.Б. Циркин, О.В. Владимирская) было представлено пять докладов. *А.М. Бутягин* (Санкт-Петербург) в докладе «Планирование центральной части позднеархаического Мирмекия» представил итоги работы Мирмекийской Экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2007, 2013–2014 гг., занимавшейся изучением крупной постройки начала V в. до н.э. В результате был открыт квартал прямоугольной формы со стенами, сориентированными по сторонам света, размерами около 20 × 30 м. По заключению докладчика, квартал являлся частью распланированной регулярной застройки центральной части городища, уникальной для памятников древнего Боспора. *С.А. Тахмад*

жян (Санкт-Петербург) в докладе «Отношение Антифонта к деньгам» указал, что в биографических свидетельствах об Антифонтe у Филострата и Ксенофонта отмечается его сребролюбие (*φιλαργυρία*). В папирусном фрагменте апологии Антифонт и сам не оспаривает утверждение своих обвинителей, согласно которому он наживался на составлении судебных речей. Автор доклада отметил, что корыстолюбие, присущее этому оратору и отмеченное современниками, нашло свое выражение и в теоретических построениях Антифонта.

А.Б. Шарнина (Санкт-Петербург) в докладе «Войны и амфикинии (клятвы амфикионов)» обратилась к примеру Пилейско-Дельфийской амфикинии, которая, по мнению автора доклада, выходила за рамки чисто религиозного объединения, какими были другие амфикинии в Элладе. По замечанию А.Б. Шарниной, «Закон» амфикионов и тексты клятв ее членов, которые приводит в своих речах оратор Эсхин, представляют большой интерес как одни из первых памятников становления международного права эллинов. Эти клятвы, вероятно, в известной степени отражают обязательства членов древних амфикиний, вместе с тем приведенное в речи Эскина «О преступном посольстве» обязательство членов амфикинии «не разрушать ни одного города, входившего в ее состав, и не отводить у него источников ни во время войны, ни во время мира», видимо, было вовсе не типичным для такого рода союзов. С.М. Жестоканов (Санкт-Петербург) в докладе «Список коринфских царей и первый коринфский притан» отметил, что в «Истории» Диодора Сицилийского сохранился список двенадцати коринфских царей из династии Бахиадов-Гераклидов, который с небольшими изменениями вошел в состав «Хроники» Евсевия Кесарийского. Более краткие сведения о коринфских царях содержится в работе Павсания, который упоминает по именам только четырех коринфских правителей и указывает, что они правили в течение десяти поколений, что заставляет некоторых исследователей, в частности Эд. Вилля, полагать, что сообщение Павсания и списки Диодора и Евсевия не вполне согласуются между собой. С.М. Жестоканов привел доказательства в пользу того, что эти свидетельства вовсе не содержат противоречий. А.С. Сапогов (Саратов) выступил с докладом «Ксенофонт о детстве Кира Великого: структура повествования и влияние эпоса». Докладчик предпринял попытку проследить эпические традиции в рассказе Ксенофонта, отметив, в частности, что в «Киропедии», так же как и в «Истории» Геродота, при описании детства Кира мы имеем дело с определенным видом «синкретической правды», которая отличается как от правды исторической, так и от художественной.

В это же время проходило второе заседание секции истории Рима (председатели – А.Д. Пантелеев, М.В. Белкин), на котором было обсуждено шесть докладов. Заседание открылось докладом Т.В. Кудрявцевой (Санкт-Петербург) «Призывы к миру в римской литературе эпохи гражданских войн: аргументы и обоснование». В докладе была исследована аргументация ряда римских поэтов (Лукреция, Вергилия, Тибулла, Проперция, Горация) в пользу мира и мирной жизни. Война, особенно война гражданская, отвратительна поэтам своей жестокостью, своеобразным спасением от нее часто выступает бегство в сельскую жизнь, при этом в отличие от «старого» идеала *miles rusticus*, мы видим противопоставление: *ruga – militia*. По мнению Т.В. Кудрявцевой, можно говорить и об определенном переосмыслении концепции *bellum iustum*: Право и Справедливость теперь выступают как атрибуты именно мира в противоположность войне. К.В. Марков (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу об отношении Галена к Риму и императорской власти» отметил, что хотя в ряде сочинений Галена содержатся критические высказывания в адрес различных римских реалий, однако Рим не воспринимается им как нечто внешнее и чуждое. По замечанию докладчика, Гален в отличие от многих современных ему греческих авторов, не склонен к замене новых римских географических названий древними греческими. Вместе с тем Гален отмечает различия между греками и римлянами в сфере образования, указывая на превосходство греков, особенно в точных науках. И.М. Никольский (Москва) в докладе «К вопросу об эволюции понятия “варвар” у римлян: *De mortibus persecutorum* Луция Фирмиана Лактанция» рассмотрел трансформацию этого понятия в контексте распространения христианства: термин «варвар», довольно долгое время использовавшийся в этническом смысле, возникает в полемике между язычниками и христианами как обозначение оппонентов по вере. Указанное сочинение христианского апологета Лактанция, по мнению И.М. Никольского, позволяет сделать много ценных наблюдений относительно того, когда и каким образом происходит это переосмысление.

В.Н. Парфёнов (Саратов) выступил с докладом «Христиане рядом с императорским тронem? К вопросу о вероисповедании Флавия Клемента и Домициллы». По замечанию докладчика, среди жертв императора Домициана Флавий Клемент и его жена Флавия Домицилла занимают особое место: первый был двоюродным братом императора, вторая – его племянницей, кроме того, эта супружеская чета являлась родителями официальных наследников императора. Однако Домициан распорядился казнить Клемента, Домицилла же была отправлена в ссылку. Анализ содержащихся в источниках данных позволил автору доклада сделать предположение, что одной из причин таких действий

императора могли стать христианские убеждения этой супружеской четы. Доклад *Е.А. Мехмадиева* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Церковная история Геласия Кизикийского и строительная надпись Константина I из Кёльна: к вопросу о становлении позднеримского войскового ранга *auxilia palatina*». Автор доклада отметил, что главная проблема, возникающая при изучении военных реформ императора Константина, состоит в том, что крайне трудно проследить и установить четкие различия в правовом положении и ранге созданных Константином войсковых соединений. На основании указанных источников *Е.А. Мехмадиев* рассмотрел происхождение отрядов *auxilia palatine*, которые несли службу во дворце императора и были самыми привилегированными в военной иерархии поздней Римской империи. Заключил работу секции доклад *М.Н. Кирилловой* (Москва) «*Comprascua* («пастбище для совместного использования») в классический период римского земельного права», посвященный особенностям развития правовой традиции римлян.

Во второй половине дня работа секций продолжилась. Второе заседание секции истории эллинизма (председатели – *И.А. Ладынин*, *М.М. Холод*) включало шесть докладов. *А.А. Попов* (Санкт-Петербург) в докладе «История Греко-Бактрии и индо-греческих царей в ХLI книге Помпея Трога (Юстина)» остановился на анализе тех частей сочинения Помпея Трога, в которых идет речь о царствовании Диодотидов, Деметрия I Непобедимого и Евкратиды I Великого. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) в докладе «Культурная элита полисов Малой Азии эпохи эллинизма» особенное внимание уделил такой важной характеристике эллинистической культуры как ее полицентризм. По замечанию автора доклада, сохранили свое значение старые центры развития культуры, например, Афины и Родос, появились новые центры, созданные волею царей – Александрия, Пергам, Пелла, Антиохия и другие, наконец, наряду с ними появилось множество обычных рядовых городов – как свободных, так и подвластных царям, которые самостоятельно воспроизводили творческую, интеллектуальную среду. В докладе *А.И. Юрина* (Санкт-Петербург) «Политика последних Антигонидов по отношению к македонским городам» были рассмотрены изменения во внутренней политике македонских царей Филиппа V и Персея в связи с внешнеполитическими событиями – Союзнической войной и римско-македонскими конфликтами. Специально автор доклада остановился на вопросе об уровне автономии македонских полисов при Персее и привел примеры вмешательства царей во внутреннюю жизнь городов в первой половине II в. до н.э.

Е.М. Берзон (Санкт-Петербург) в докладе «“Поздние” Селевкиды: проблемы терминологии и хронологии династии» предприняла попытку рассмотреть употребление в историографии понятия «поздние Селевкиды» и существующие на сегодня модели периодизации истории этого царского дома. По мнению автора доклада, наиболее обоснованной является хронология «поздних Селевкидов», выводимая с царствований Антиоха V – Деметрия I (т.е. после 164 г.). *Е.О. Стоянов* (Уфа) выступил с докладом «Полководец Стасанор из г. Солы: некоторые проблемы политической биографии». Докладчик подчеркнул, что Стасанор все еще остается, как и многие диадохи «второго ряда», на периферии исследовательского интереса. *Е.О. Стоянов* рассмотрел военную карьеру Стасанора, который оказался на высоких командных должностях лишь на позднем этапе похода, что позволяет отнести его к числу военачальников, возвысившихся в результате постепенного замещения старомакедонской элиты «людьми Александра». В докладе была проанализирована деятельность Стасанора в качестве сатрапа, а также сделана попытка определить его место в истории восточной политики Александра и диадохов. *Ю.В. Бабенкова* (Санкт-Петербург) в докладе «Эволюция политического устройства Гераклеи Понтийской в период тирании» высказала мысль о том, что в политической жизни этой общины сначала прослеживаются тенденции авторитарного правления, а затем – восстановление традиционного полисного устройства, в отличие от Боспорского царства и Сицилии, где тираническая власть оказалась предтечей монархической.

В это же время проходила работа секции источниковедения, историографии, истории античной культуры (председатели – *Т.В. Кудрявцева*, *О.В. Кулишова*), на которой было представлено семь докладов. Заседание открылось выступлением *Д.А. Щеглова* (Санкт-Петербург), посвященным теме «Длина греческого стадия: новый подход к старой проблеме». По замечанию докладчика, вопрос о длине стадия, основной единицы измерения расстояний в древней Греции, весьма запутан, в настоящий момент наиболее распространенными являются два решения: 1) 185 м или же, как вариант, 176 м; 2) около 157,5 м, при этом главной опорой гипотезы о «коротком» стадии служит сопоставление античных измерений расстояний с современными данными. Докладчик предложил для оценки длины стадия иной подход: сравнить средневзвешенный коэффициент погрешности для античных расстояний, выраженных в стадиях, с аналогичным коэффициентом для расстояний, выраженных в милях, что заставляет его высказаться в пользу длины стадия в 185 м. *А.С. Мурзина* (Санкт-Петербург) в докладе «Куда смотрят боги? (к вопросу о реконструкции фронтонов храма Зевса в Олимпии)» заметила, что скульптуры фронтонов знаменитого храма состояли из отдельных групп, исполненных почти как круглая скульптура, поэтому их точное расположение в пространстве тимпана стало пред-

метом многочисленных дискуссий. Автор доклада представила предложенные в литературе варианты реконструкции западного и восточного фронтонов, а также остановилась на возможных интерпретациях и символике этих реконструкций. *М.С. Назарова* (Санкт-Петербург) в докладе «Типы частного парадного провинциального портрета, “запрещенные” в столичном Риме» справедливо подчеркнула, что в художественном наследии Древнего Рима одно из ведущих мест занимает портретная пластика. Автор доклада отметила, что в отношении памятников, которые воздвигались в Риме, существовал более строгий регламент, чем в провинции, и сделала попытку проследить эти различия, в частности, на примере конных монументов.

А.М. Сковрцов (Челябинск) в докладе «Антиковедение в системе подготовки специалиста-историка в первое десятилетие советской власти» сделал попытку, преимущественно на материалах Московского университета, выявить основные тенденции изменений в историческом образовании в России после установления советской власти. Автор подчеркнул, что в 1917–1923 гг., в основном, сохранялись традиции, заложенные в дореволюционное время, а с 1923 г. происходят весьма существенные изменения. Анализируемый материал позволил А.М. Сковрцову сделать вывод о непродуманности реформ, их поспешности, что в итоге привело к стагнации науки об античности. *Н.М. Баженова* (Санкт-Петербург) в докладе «Академик Сергей Александрович Жебелёв – председатель Комиссии по делам ленинградских учреждений (04.11.1941–28.12.1941)» подчеркнула, что С.А. Жебелёв сыграл важную роль в сохранении ленинградских институтов АН СССР в тяжелых условиях блокады. В начале ноября 1941 г. С.А. Жебелёв возглавил указанную Комиссию, на долю которой выпали трудные решения: трудности с питанием, сокращение штатов академических учреждений, охрана книжных собраний погибших и эвакуированных ученых и т.п. Н.М. Баженова отметила, что за два месяца самоотверженная работа С.А. Жебелёва, спасшая столько учреждений и их сотрудников, подорвала его собственные силы – 28 декабря 1941 г. он скончался.

А.С. Горский (Санкт-Петербург) в докладе «О применении вина в античной медицине» отметил, что в отличие от Греции, где врачи использовали вино как антисептик, основу для микстур и припарок или как составляющую диет, в Риме широкое хождение имели винные настойки лечебных трав и медицинские вина, впоследствии воспринятые и греками. Автор доклада отметил, что при раскопках крепости Масады были найдены обломки амфор с указанием на Филониенское вино (*Philonicanum*), изготовленное Л. Леннием в консульство Г. Сентия Сатурнина (19 г. до н.э.) для Ирода, царя Иудеи. По мнению А.С. Горского, имеются все основания полагать, что это вино было создано по заказу Ирода, опасавшегося отравлений и страдавшего от хронических болей в животе, на основе филониана – противоядия, изобретенного врачом I в. до н.э. Филоном, рецепт которого сохранился у Галена и Марцелла Эмпирика. Такое наблюдение указывает на товарный характер производства медицинского вина в Риме. *А.Н. Грешных* (Москва) посвятила свой доклад теме «Предание о царе Янусе как компонент античной традиции о начале Рима». Внимание автора доклада было обращено главным образом на выяснение первоисточников поздно зафиксированных вариантов легенды, а также на уточнении исторического зерна предания. В официальной традиции о царе Янусе явно прослеживается существование двух версий: в основе одной лежит собственно римское предание, в основе другой – различные греческие легенды. Как подчеркнула А. Н. Грешных, историческое зерно предания о царствовании в Лации Януса, скорее всего, заключается в отражении в нем воспоминания о первых италиках, переселившихся на Апеннинский полуостров в начале II тыс. до н.э.

В заключительный день, 31 октября, работа конференции продолжилась на утренних заседаниях секций. Третье заседание секции истории древней Греции (председатель – С.М. Жестоканов) предполагало обсуждение пяти докладов. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) посвятил свой доклад теме «Фукидид о возникновении тирании в древней Греции, об особенностях афинской тирании Писистратидов и заговоре Гармодия и Аристогитона». Докладчик сосредоточился на анализе свидетельств Фукидида, касающихся обстоятельств возникновения тирании в архаической Греции и характеристики тирании Писистрата и его сыновей (в I и VI книгах «Истории»). Особенное внимание В.М. Строгоцкий уделил разбору причин антитиранического заговора в Афинах, его поражения и последствий для афинского общества. *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) в докладе «Аристофан: К вопросу о персонализации героев комедии», прежде всего, подчеркнула «личный» характер древнеаттической комедии, т. к. только в сохранившихся полностью и фрагментарно комедиях Аристофана фигурируют в общей сложности около 300 персонажей – политические деятели, поэты, философы, обычные афиняне, частная жизнь которых выходила за общепринятые рамки. В докладе были рассмотрены типы шуток и способы осмеяния конкретных людей в комедии, а также юридические основания применения афинского закона о клевете (*δίκη κακῆγορίας*) в отношении комедиографов. *Р.В. Светлов* (Санкт-Петербург) в докладе «Закон и мастер» отметил, что в позднем диалоге Платона «Политик» можно обнаружить противопоставление принципов легальности и морали и проследить, как в античной философии возникало

обсуждение данной проблемы. Ключом к пониманию этой двойственности является платоновская концепция двух типов вращения Космоса: при одном происходит непосредственное попечение над миром со стороны демиурга («век Кроноса»), при другом оно опосредовано космическими законами, которые являются лишь подражанием божественному разуму.

В докладе «Маска актера в древней аттической комедии» *О.А. Рыканцова* (Санкт-Петербург) подчеркнула, что многие вопросы, связанные с изготовлением и использованием масок, остаются спорными до сих пор, однако многочисленные изображения масок на древнегреческих сосудах и рельефах, а также свидетельства письменной традиции позволяют представить характер игры комедиантского актера в маске на афинской сцене. *С.П. Выскубов* (Саратов) посвятил свое выступление теме «“Описание Эллады” Павсания: взгляд С.А. Жебелёва». Как заметил докладчик, представители немецкой классической школы У. Виламовиц-Мёллендорф и А. Калькман полагали, что созданный Павсанием труд – второсортная компиляция, автор которой может претендовать лишь на звание знатока письменных источников. Их доводы были отвергнуты Дж. Фрезером, мнение которого поддерживал и развил С.А. Жебелёв. В статье «К вопросу о композиции “Описания Эллады” Павсания» (ЖМНП, сентябрь 1909 г.) он аргументированно доказал, что сведения в тексте источника основаны на личном осмотре памятников и заслуживают детального изучения.

В первой половине дня 31 октября состоялось также заседание секции истории античного христианства (председатели – А.Б. Егоров, В.Н. Парфёнов), в программу которого входило обсуждение семи докладов. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Сюжет о чудесном спасении из заключения в античной и раннехристианской литературе» указал, что этот сюжет нашел самое яркое воплощение в «Вакханках» Еврипида, откуда был заимствован иудейским писателем Артапаном и христианскими авторами. Как заключил докладчик, в христианской традиции концепция божественной помощи переосмысливается: вместо прямого вмешательства появляются видения и чудеса, поддерживающие мучеников. *Е.М. Розенблюм* (Москва) прочитал доклад на тему «Две версии “Актос Карпа”»: богословское содержание и вопросы датировки. «Актос Карпа», как отметил докладчик, существуют в двух незначительно различающихся версиях – греческой и латинской, при этом латинская версия содержит прямое упоминание императора Деция – и эта датировка мученичества большинством исследователей считается более достоверной, чем содержащаяся у Евсевия датировка временем Марка Аврелия. Однако сопоставление греческого и латинского вариантов в контексте полемики православных христиан с монотанистами позволило Е.М. Розенблюму сделать вывод, что утверждение Евсевия о том, что Карп, Папилий и Агафоника пострадали во II в., заслуживает большего доверия, чем считают многие исследователи.

А.Б. Софьян (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Отношение членов семей мучеников к их подвигу». Автор доклада указала, что в первые века существования христианства большинство уверовавших язычников страдали не только от гонений со стороны правительства, но и от непонимания со стороны родных и близких, что выражалось как в мольбах и попытках отговорить мучеников от их подвига, так и в гневе на них и доносе властям. В последующие века в связи с распространением христианства возникает и встречается все чаще еще один вариант – радость родственников-христиан за близкого человека и стремление поддержать его и вдохновить на мужественное исповедание веры. Доклад *А.В. Каральцева* (Санкт-Петербург) «Африканская специфика в “Мученичестве Монтана и Луция”» был посвящен одному из интереснейших памятников из Северной Африки. Анализ данного источника позволил автору заключить, что гонения Валериана были направлены прежде всего против верхушки церкви, однако затронули значительное число христиан. По мнению А.В. Каральцева, среди христиан римской Африки страдание воспринималась как форма подражания Христу, при этом в разбираемом источнике и современных ему памятниках герои проходят весь путь мученика – осуждение, пытку и казнь.

В докладе «Аргументация в антиманихейской полемике Августина» *А.Л. Мамонтов* (Санкт-Петербург) провел сравнение антиманихейской аргументации в полемических трактатах Августина и в устных диспутах, которые он проводил с манихеями. По мнению докладчика, литературная полемика, вопреки ожиданиям, оказывается не слишком академичной: здесь содержится сравнительно большое количество сомнительных рассказов и метафор; аргументация на диспутах, напротив, выглядит более рационально. *Д.М. Омельченко* (Санкт-Петербург) в докладе «Тема чуда в произведениях Иоанна Кассиана Римлянина» подчеркнула, что в аскетической традиции Западной Римской империи трактаты Кассиана (ок. 360–435 гг.) занимают особое место, ибо были призваны заложить основу регулярного монашества на Западе. Эта цель определила и отношение автора к чудесному: «Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни» (*Institutia Aegyptiorum, graef.*). Иоанн Кассиан, указывая западным ревнителям монашества вполне конкретные принципы организации аскетической жизни, на первое место ставит дисциплину, которая позволит монахам преодолеть повседневные трудности и не соблазняться чудесами. Заседание секции по проблемам

раннехристианской истории заключил доклад *О.В. Пржегодской* (Санкт-Петербург) «Классические авторы в произведениях Синезия».

На заключительном пленарном заседании (председатели – Э.Д. Фролов, О.Ю. Климов) было прочитано шесть докладов. *Ю.А. Виноградов* (Санкт-Петербург) в докладе «Российский археолог Ф.И. Гросс» обратился к одной из наиболее заметных фигур в российской античной археологии второй половины XIX в. Докладчик обозначил основные вехи биографии Ф.И. Гросса (1821 или 1822–1896 гг.), профессиональная деятельность которого с 1862 г. была связана с Керченским музеем древности (в 1884–1891 гг. в качестве директора). По заключению докладчика, хотя Ф.И. Гросс не оставил после себя никаких научных трудов или трактатов, однако его рисунки раскопок, «археологических ландшафтов», отдельных выдающихся находок имеют огромное значение для современной науки. *М. Кайава* (Хельсинки, Финляндия) в докладе «Античные оракулы и эпиграфика» проанализировал материал, происходящий, главным образом, из очень древнего оракульного центра в Додоне в Эпире (северо-западная Греция). Автор доклада систематизировал содержание вопросов, с которыми простые люди часто обращались к богам – они касались, прежде всего, путешествий, здоровья, профессиональных занятий, детей, брака и т.д.

С.К. Сизов (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу о представительстве полисов Пелопоннеса в государственных органах Ахейского союза» подчеркнул, что ведущую роль в политической жизни федерации играли выходцы из достаточно ограниченного круга общин – либо из городов, составлявших первоначальное ядро федерации (полисы коренной Ахайи и Сикиона), либо из Мегалополя, политическая роль которого значительно возросла во времена Филопемена. Это подтверждает и текст недавно опубликованной надписи из Мессении (SEG. LVIII. 370), где приведен список «гегемонов» – влиятельных деятелей Ахейской федерации, составивших судебную комиссию по рассмотрению территориального спора. В Ахейском союзе эллинистического времени при формировании высших органов власти не действовал принцип пропорционального представительства полисов, который обычно соблюдался в федерациях классического периода. Тем не менее в Ахейском союзе существовали и механизмы, позволявшие привлечь к государственной деятельности граждан городов, не столь активно вовлеченных в политическую жизнь федерации, а также в определенной мере использовать принцип пропорционального представительства. Примером может служить коллегия номографов, активно участвовавшая в законодательном процессе. Новая надпись из Эгия (SEG. LVIII. 417) позволяет окончательно разрешить спор о способе формирования этой коллегии и убедиться в том, что она была составлена по принципу пропорционального представительства. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «К интерпретации двух прозвищ Антигона I» проанализировал неофициальные эпитеты основателя царского дома Антигонидов – Антигона I Одноглазого. Согласно точке зрения автора, Антигон получил прозвище Монофталм, которое закрепилось в античной традиции (F. 3-4 = Ps.-Luc. Macrob. 11, 13; Polyb. V. 67. 7) и в современной историографии после дискредитировавшей царя истории с убийством враждебного ему философа Феокрита Хиосского, который издательски именовал его Циклопом (Plut. Mor. 11b; 633c; Ael. Var. Hist. XII. 43; ср. Macrob. Sat. VII. 3. 12). Прозвище Μονόφθαλμος, в отличие от семантически нейтрального Ἑτερόφθαλμος (как, видимо, Антигон был первоначально прозван после его ранения при осаде Перинфа в 340 г. до н.э. – Plut. Alex. 70), во многих источниках связывается именно с циклопами, подразумевая жестокость и необузданность, и не применялось более ни к кому из одноглазых исторических персонажей, кроме Антигона I.

В.П. Никоноров (Санкт-Петербург) в докладе «Культовые боевые топоры у скифов Северного Причерноморья» рассмотрел письменные, вещественные и изобразительные данные, наглядно свидетельствующие о культе боевых топоров среди причерноморских скифов. По замечанию докладчика, несмотря на то, что в их арсенале главное место занимали луки со стрелами, мечи и копья, секиры не только были боевым оружием, но и зачастую служили атрибутами знатности и высокого положения в скифском обществе. В представлениях скифов они наделялись и определенными магическими свойствами, на что указывают факты их размещения в захоронениях, причем не только в богатых, но и в рядовых. *Ф. Гриб* (Гамбург, Германия) посвятил свой доклад теме «Концепции и стратегии римской колонизации до и после Второй Пунической войны». Докладчик сосредоточился, прежде всего, на определении, которое дает римским колониям республиканского времени Цицерон, называвший их «бастионами империи» (propugnacula imperii, см.: Cic. De lege agr. II. 73). Автор также задается вопросом, относится ли это определение ко всем колониям времени III – начала II в. до н.э., особенно к римским колониям, основанным на побережье Апеннинского полуострова – coloniae maritimae. В первой части доклада автор дает краткий обзор римской колонизации до Второй Пунической войны, особенно останавливаясь на характеристике латинских колоний. Во второй части он сосредоточился на колониях начала II в. до н.э. и отметил, что главной причиной их основания становятся коммерческие интересы. Это, по мнению автора доклада, свидетельствует об изменении

римской стратегии, целью которой становится обеспечение важных пунктов для региональных и межрегиональных торговых связей.

Подводя итоги, председатель оргкомитета проф. Э.Д. Фролов в своем заключительном выступлении подчеркнул, что «Жебелёвские чтения» являются весьма посещаемой антиковедами конференцией, который предоставляет ученым из разных городов и научных центров прекрасную возможность налаживать профессиональные контакты, повышать научную квалификацию, обмениваться идеями. Он отметил в качестве важного положительного момента активное участие в конференции молодых ученых, преподавателей и аспирантов российских университетов. При очевидной разности уровня их выступлений примечательным оказывается стремление взглянуть по-новому на явления античной истории и культуры. Э.Д. Фролов выразил надежду, что традиция Жебелёвских чтений будет продолжена на благо университетской и академической науки.

Oksana V. Kulishova

omphalos@yandex.ru

Eduard D. Frolov

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

frolov@ef6518.spb.edu

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов,
кафедра истории древней Греции и
Рима СПбГУ

О ПРИСУЖДЕНИИ И.С. АРХИПОВУ ПРЕМИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

3 февраля 2015 г. Комиссия по присуждению премий Правительства Москвы молодым ученым объявила имена победителей Конкурса на соискание премий за выдающиеся результаты в области естественных, технических и гуманитарных наук за 2014 год.

В номинации «Науки о человеке и обществе» лауреатом стал Илья Сергеевич Архипов (Институт всеобщей истории РАН), которому премия присуждена за «исследование материальной культуры древней Месопотамии, результаты которого уже включены в программу столичных вузов» (<http://dnpp.mos.ru/presscenter/news/detail/1554592.html>).